
Варвара Корсарова
Хозяин болотного особняка
ПРИЗРАКИ – НЕ САМОЕ СТРАШНОЕ, ЧТО СКРЫВАЕТ ЭТОТ ДОМ

Викторианский фэнтези-детектив (Эксмо)

Варвара Корсарова

Хозяин болотного особняка

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корсарова В.

Хозяин болотного особняка / В. Корсарова — «Эксмо», 2026 — (Викторианский фэнтези-детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-257303-3

Атмосферный магический детектив с мистикой, тайнами, опасными страстями и мрачным очарованием маленького города, где у каждого есть секрет. Эрика Верден бежит из столицы в Крипвуд — мрачный город на краю болот, где устраивается учительницей магии. Суеверные горожане живут в страхе перед старой легендой о разбойнике Граббе, чей призрак бродит по лесам рядом со своим особняком на болотах, похищая неугодных. Вместе с главой попечительского совета Робервалем местные встречают Эрику с неприязнью и называют ведьмой. После загадочного пожара в своем доме и встречи с жутким механическим монстром в лесу Эрика решает расследовать тайны особняка Грабба. Чем больше она погружается во мрак старых легенд, тем сильнее ее влечет к Робервалю — мужчине, который скрывает явно больше, чем готов раскрыть… «Здесь дремучие суеверия соседствуют с удивительными механизмами, в подкову над дверью верят больше, чем в магическую науку, а в Дикую ночь по улицам бродит призрак безглазого разбойника. Здесь не любят чужаков, но смелость, профессионализм и ручная свинья помогут в любой беде. Мистическая, мрачноватая, но очень уютная история о столичной учительнице и тайнах провинциального городка». — Мария Камардина, автор издательства «Эксмо»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257303-3

© Корсарова В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Одинокая пассажирка 7
Глава 2. Чудаковатый директор школы 14
Глава 3. Господин с мертвыми глазами 20
Глава 4. Мои ученики 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Варвара Корсарова
Хозяин болотного особняка

© Корсарова В., 2026
© Оформление ООО «Издательство Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Одинокая пассажирка

На крошечной станции, где поезд стоял лишь минуту, в купе вошла дама.

– Прошу. – Кондуктор показал на свободную скамью и скрылся в тамбуре.

Появление попутчицы обрадовало меня. Последние четыре часа путешествия в одиночестве прошли мучительно. Сиденье было жестким, купе – душным, пейзаж за окнами не мог отвлечь от переживаний. Изредка мелькали небольшие города, деревни, да тянулся стеной дикий лес.

В другой ситуации я с интересом изучала бы новые места, поскольку никогда не выезжала в эту часть страны, но сейчас было не до наблюдений. И уснуть, чтобы скоротать дорогу, не удалось: в голове без конца крутились мрачные мысли и не давали забыться.

Я понятия не имела, что ждет меня там, куда я еду. Какие люди живут в городе, где проведу не менее года, будут ли они мне рады… Найду ли я друзей и, главное, смогу ли скрыться так, что меня не найдут.

Или хотя бы найдут не сразу.

Дама поздоровалась и начала деловито копаться в саквояже.

Попутчица оказалась любопытной особой: по виду мещанка, средних лет, одета небогато, но за модой следит. Причем следит, не зная меры. Поверх ее зеленого платья с оборками надета кофта – тоже обильно украшенная оборками, а поверх кофты – плюшевый жакет.

Из-за многочисленных слоев одежды дама походила на кудрявую капусту. Сходство довершали локоны, торчащие во все стороны из-под шляпки – точь-в-точь подвядшие капустные листья.

Я представила, как уместно будет смотреться дама на овощной грядке, и невольно улыбнулась.

Дама искоса глянула на меня.

Я виновато опустила глаза.

«Эрика, хватит, – одернула я себя сердито. – Ты ведешь себя неприлично – так рассматривать незнакомку!»

Но дама не показала, что обиделась. Она дружелюбно кивнула, выудила из саквояжа теплый платок и немедленно укуталась.

– Как тут холодно! – пожаловалась новая соседка, нервно теребя край платка толстыми пальцами. – Душечка, будьте любезны, закройте форточку. Я ужасно боюсь простуд. В дороге подхватить их легче легкого.

Пришлось встать и с усилием потянуть тяжелую раму. В купе было жарко, печка раскалилась докрасна, но знаю я таких людей – им будет сквозить даже в адской котельной.

Однако спорить я не стала, поскольку рассчитывала завязать с дамой разговор.

Если она живет неподалеку от места моего назначения, можно расспросить ее о захолустном городишке под названием Крипвуд, где вскоре мне предстоит начать новую жизнь.

Словно подслушав мои мысли, капустная дама поерзала, устраиваясь поудобнее, потом наклонилась вперед и выдала фразу, с которой уместно начать любую беседу:

– Прекрасная погода стоит этой осенью! Но, говорят, уже завтра можно ожидать дождей. Чем севернее, тем раньше они приходят. Вы впервые едете в нашу провинцию? – Она пробежалась взглядом по моему тонкому жакету и пояснила свою догадку: – Одеты вы, милочка, не по сезону. Из столицы небось?

– Да, из Сен-Лютерны. У нас еще лето.

Дама ждала, когда я назову цель своего путешествия, но я лишь вежливо улыбалась.

Меньше говори и больше слушай – вот мое правило номер один.

– А я всю жизнь прожила в провинции, – призналась дама. – И дальше чем на десять лиг от родного города не уезжала.

Я сочувственно покивала.

– Но, надо сказать, я никогда не хотела попасть в большой город. И уж тем более в Сен-Лютерну! В газетах пишут, у вас там в сумерки из дома спокойно не выйти. Душители, карманники, бандиты… вот еще, пишут, объявился преступный гений. Как его… Химерас. Слышали про такого? Это правда, что он держит в страхе всю столицу?

– Журналисты любят преувеличивать, – заметила я с излишней суровостью – обсуждать газетные утки мне сейчас не хотелось. – Химерас – такая же выдумка, как грабители-попрыгунчики или гигантский крокодил в заливе.

Дама с сомнением покачала головой. Видимо, как многие провинциалы, она с удовольствием листала газеты из дешевой желтой бумаги и смаковала кричащие заголовки. И верила им до последнего слова.

– У нас тоже всякое бывает. На прошлой неделе в Шваленберге ограбили ломбард; говорят, какие-то приезжие. – Она неодобрительно покачала головой.

– Наверняка, – согласилась я.

– В Шваленберге у меня племянник, я еду его навестить, – сообщила дама, а потом махнула рукой на правила вежливости и спросила прямо: – А вы далеко путь держите?

– В Крипвуд.

Мне показалось или дама слегка вздрогнула? Она откинулась на спинку и переспросила странным тоном:

– В Крипвуд? Что ж у вас там – родня? Или знакомые?

– Ни то ни другое. Я еду туда по направлению Департамента народного образования, – решилась я на откровенность – видимо, иным путем выудить из дамы полезную информацию не получится. – Буду работать учительницей в местной школе.

– Вот как!

Это восклицание сопровождалось таким изумленным взглядом, что я подобралась.

Ее недоумение рассердило меня, поскольку было непонятным.

Ну что тут удивительного – девушка окончила курсы и едет честно трудиться, нести образование людям! Неужели Крипвуд – такой медвежий угол, что приезд учителя из столицы способен вызвать потрясение?

На курсах нам рассказывали, что новые программы и педагогические методы с трудом приживаются в дальних уездах, где в школах еще вовсю применяют телесные наказания и предпочитают учить по старинке – заставляя зубрить огромные отрывки из скучных книг.

Но все же теплилась надежда, что реальность не окажется такой уж суровой и встретят меня если не радостно, то доброжелательно. В конце концов, уездных учителей не хватает, и мой приезд должен стать облегчением для директора школы.

Однако реакция попутчицы зародила новые сомнения.

– Вы бывали в Крипвуде?

– Довелось. – Дама насупилась так, что сразу стало понятно: чем-то этот город заслужил ее неодобрение. А следующий ее вопрос совершенно сбил меня с толку: – Что же вы, чем-то провинились перед Департаментом, что они сослали вас в эту проклятую богом дыру?

– Вовсе нет, – возразила я. – Меня отправили туда по моей просьбе. Я всегда мечтала учить детей именно в маленьком городке, в провинции. У меня неплохая подготовка, и я надеюсь принести кое-какую пользу. Это, в свою очередь, принесет мне удовлетворение.

Дама покачала головой. Я нахмурилась.

– Вы считаете меня наивной? Но я и правда думаю, что в провинции от меня будет больше пользы, чем в столице.

Я вовсе не кривила душой, хотя и умолчала о главной причине, которая заставила меня спешно просить распределения на место на самой окраине королевства.

– Что вы, милочка, я вовсе не считаю вас наивной! – всполошилась дама. – Однако уж больно дурной славой пользуется этот городишко… – Она понизила голос, оглянулась, как будто желая проверить, не подслушивает ли кто наш разговор, и выпалила: – Там нечисто.

– Нечисто? – машинально переспросила я. – Грязно на улицах? О, я к этому готова. Понимаю, это маленький город, почти деревня, и наверняка скот бродит по улицам…

– Нет-нет! – замотала головой дама. – Там нечисто, – повторила она выразительно, кивая так, что ее обрюзгшие щеки задрожали, как желе, – в том смысле, что там… люди не выходят на улицу после темноты. И верят… во всякое. Всякое такое. – Она подняла руку и пошевелила пальцами, как делают взрослые, когда хотят напугать ребенка.

До меня наконец дошло, что имела в виду дама. Я пристально посмотрела на нее, но не нашла на ее лице насмешки.

Неужели она серьезно? Впрочем, чего ожидать от особы, которая верит во все, что пишут в желтых газетах!

– Хотите сказать, в городе водятся привидения? – уточнила я недоверчиво.

Дама жиденько засмеялась.

– Привидения? Можно сказать и так. Во всяком случае, местные истово верят в легенду о безглазом разбойнике Иоахиме Граббе и проклятии, которое он наслал на город… Опять же люди пропадают…

– Пропадают в лесах? В болотах? – поразилась я.

Перед поездкой я внимательно изучила все заметки, которые смогла найти в библиотеке о городе Крипвуде. Увы, нашла немногое.

Узнала, что Крипвуд окружен лесами, солеными болотами и находится вблизи от морского побережья. Не самый здоровый климат, но зато нет дыма от заводов и фабрик, что отравляли столицу.

Побережье местами пологое, местами скалистое, в прошлом излюбленное контрабандистами. Крупный порт далековато: в тридцати лигах. Но можно иногда выбраться развлечься, если учительское жалованье позволит.

Увы, в справочниках не говорилось ни о привидениях, ни о местных легендах, и полицейские сводки мне тоже не попадались… оттого я считала, что еду в тихое место, где столетиями не случается ничего интересного.

Выходит, ошибалась.

– Да, в лесах. В основном пропадают дети, – продолжала дама. – Бывает, и взрослые. К счастью, их почти всегда находят через день-два. Но, говорят, находят их… не такими.

Опять эта таинственная интонация!

– Что значит – не такими?

– Ну… как будто они увидели там, в лесах, то, что отшибло им память. Они плохо помнят свои приключения. Во всяком случае, ничего о них не рассказывают. Старожилы уверяют, что потерявшиеся попадают в гости к разбойнику Иоахиму Граббу.

– Разве в наш век телеграфа и поездов еще где-то остались лесные разбойники? – усмехнулась я. – Думала, их место – в сказках да романтических историях. Современные разбойники занимают посты директоров банков.

Дама не улыбнулась шутке.

– Иоахим Грабб жил двести лет назад. Но легенды твердят, что его дух никак не успокоится. Старые предания… Конечно, чушь это все. Однако местные верят.

Я заподозрила, что презрение ее показное и моя попутчица тоже крепко верит в легенды и суеверия. Вон с каким смаком о них рассказывает!

Ее следующие слова подтвердили мою догадку.

– Однако есть в мире вещи, которые не объяснить в двух словах. Как бы эти горе-ученые ни старались. – Презрение в голосе дамы усилилось и теперь было искренним. – Вот еще – выдумали называть колдовство природным явлением! Приглашают колдунов на службу и дают им места в университетах! Добром это не кончится.

Я неопределенно хмыкнула. Надо полагать, дама говорит об Одаренных. Лучше увести разговор с этой темы…

– Вы знаете кого-нибудь из жителей Крипвуда?

– Да, с некоторыми знакома. У меня там живет дальняя родня по мужу…

– Пожалуйста, расскажите о ком-нибудь из горожан. Хотелось бы немного разузнать о людях, к которым я еду. И об обычаях, принятых в городе.

– Ну… о ком вам рассказать? – Дама задумалась. – Бургомистром там Фалберт Флегг… ух и жук, я вам скажу! Любого уболтает, заставит поверить, что черное – это белое, если ему это выгодно. Но человек в целом неплохой. Так… кто еще… ах да, директор школы. Вот кто вас, должно быть, интересует прежде всего. Господин Стефан Степпель. Он пожилой, в молодости учился в университете… Чудак, каких поискать.

Меня порадовала эта характеристика. Чудаки мне нравились – может, потому что они были моей противоположностью. Себя-то я считала практичной, приземленной и обыденной. До отвращения полной здравого смысла.

– А вот с кем вам следует быть поосторожнее, так это с местным богатеем. Корнелиус Роберваль его имя. Он владеет лесопилками и деревоперерабатывающими фабриками в округе. Тяжелый человек, неуступчивый. С юности такой, а уж как его жена умерла три года назад, так совсем ожесточился. Он – настоящий хозяин города. Если вы ему в чем-то не угодите или не сойдетесь с ним во взглядах, он в два счета позаботится, чтобы вас выставили прочь.

– Вряд ли это ему под силу. Меня прислал столичный Департамент образования, и последнее слово будет за инспекторами, а не за местным богатеем.

– У Робервaля есть связи в столице. Он жил там долгое время. Так что глядите в оба, милочка, – сказала дама с сочувствием. – Таким, как вы, нужно пытаться угодить сильным мира сего.

– Всем угодить невозможно, – пробормотала я. Рассказы дамы о моем будущем доме огорчили меня. Суеверия, деспотичные и сумасбродные горожане…

Ладно, поживем – увидим. Может, не все так страшно.

– Как же вас родные в такую даль отпустили работать, одну-одинешеньку? – полюбопытствовала неугомонная попутчица.

– У меня нет родных, – ответила я, покривив душой. Но в самом деле, считать моего дядю и тетю родными после того, как они со мной поступили, я не желала.

– И жених ваш не возражал? – продолжала допытываться дама, мазнув взглядом по моему пальцу без обручального кольца.

– Жениха у меня тоже нет, – ответила я с отвращением.

Да, теперь жениха у меня тоже нет.

И я надеюсь, что бывший жених и родственники не объявятся по мою душу как минимум год, пока мне не исполнится двадцать пять. А там их притязания уже не страшны – закон будет на моей стороне.

Я опять вспомнила печальные события последних месяцев и на следующие вопросы попутчицы отвечала рассеянно.

– Что будете детишкам преподавать? Математику?

– Нет, историю, словесность, рисование… и еще один новый курс, рекомендованный Департаментом.

– Что же вы окончили?

– Учительские курсы, а до этого училась в столичной академии, – ответила я не задумываясь и тут же поняла свою оплошность.

– В академии Одаренных? – На лице дамы тут же появилось опасливое выражение. Она сделала едва заметное движение, как будто хотела отодвинуться от меня подальше. – Так вы, оказывается, тоже из этих… ученых-колдунов? – Ее голос разом стал холодным.

– Да, я сенситив. То есть Одаренная, – сказала я мягко, не считая необходимым отрицать очевидное. Раз уж проболталась – нужно вести себя достойно. – Не стоит называть нас колдунами.

– Вы и детишкам собираетесь эту вашу эфирную магию преподавать? – возмутилась дама. – Слышала, в столичных школах этим занимаются!

– Магии, в традиционном ее понимании, не существует. Изучение скрытых способностей человека и всемирного эфирного поля не имеет ничего общего с колдовством.

Дама фыркнула, показывая свое отношение к этому утверждению, и вновь нервно потеребила шаль гладкими, как сосиски, пальцами.

Я мысленно вздохнула.

Неприятно осознавать, что до сих пор полно на свете людей, в чьих глазах наука недалеко ушла от магии.

Пусть стали обыденностью телеграф, электричество, радио, управление эфирными потоками и трансформация реальности, всегда найдутся те, кто требует снести электростанции и изгнать Одаренных, объявляя достижения прогресса дьявольским колдовством и пороком.

Неужели и жители города, куда я отправляюсь, принадлежат к той же породе ретроградов? Вот это совсем неважная новость.

Времена меняются, но люди за ними не всегда поспевают.

Впрочем, на учительских курсах нам немного преподавали психологию с упором на то, как бороться с косностью. Так что я была готова в какой-то мере противостоять предубеждениям. Хотя надеялась, что мне не придется с ними столкнуться.

– Что же, раз вы Одаренная, то умеете… колдовать? – подала голос дама.

– Управление эфирными полями и потоками – не колдовство, – опять поправила я ее. – И Одаренные – вовсе не маги.

– Да, про это пишут, – с сомнением отозвалась дама. – Вы знаете, как управлять грозой? Вызывать ливни?

– Увы, нет, – развела я руками.

– Двигать предметы на расстоянии?

– Немного.

– Вызывать пожары?

– Если потребуется.

Дама поняла, что я не намерена распространяться о собственных умениях, да и сама она больше не желала поддерживать разговор.

Теперь она смотрела на меня с откровенной опаской – неудивительно, ведь в ее глазах я была колдуньей, учительницей магии!

Что за темная женщина…

Мне хотелось разубедить ее, но я понимала, что это бесполезно. Она не услышит моих аргументов. Люди ее возраста и воспитания с трудом воспринимают все новое и малоизученное.

Другое дело – дети. Они охотнее верят в то, что любая вещь и природное явление, кроме материального воплощения, имеют незримую эфирную копию и весь мир вокруг пронизан эфирными токами и полями, управляя которыми можно менять реальность.

Поэтому Департамент возлагал большие надежды на новую образовательную программу. И я была среди тех, кто должен нести прогрессивные знания и убеждения в массы.

Надеюсь, я преуспею на этом поприще.

Остаток пути до своей станции дама молчала, и вскоре поезд остановился в Шваленберге, где дама и сошла. Она попрощалась со мной сухо и бросила напоследок настороженный взгляд, который меня неожиданно уколол.

* * *

Солнце уже клонилось к западу. Его лучи прыгали по стенам и полу купе. Я рассеянно смотрела в окно, на вокзальную суету последнего крупного города северного направления королевства.

Снаружи сновали носильщики, путешественники докуривали сигары или возились с замками чемоданов. Торговцы разносили напитки и пирожки. Заиграл оркестр; вдалеке весело перекрикивались дети.

Интересно, как скоро я начну скучать по кипению жизни большого города? Ведь ничего подобного не будет в той глуши, куда я направляюсь.

Сошли последние пассажиры; в мой вагон никто не сел.

– Не желаете размять ноги? – предложил кондуктор, заглядывая в купе. – Мы простоим здесь минут двадцать; будем пропускать Северо-Западный экспресс, у него приоритет в движении. Но не беспокойтесь, потом нагоним расписание. Задержки не будет.

Я с готовностью поднялась, вышла в узкий коридор, спустилась на платформу и жадно втянула прохладный воздух. Он был пропитан паровозной гарью и ароматом мазута, но мне нравился этот запах, потому что навевал мысли о путешествиях и приключениях.

Мы стояли на втором пути; я хотела перешагнуть через рельсы и дойти до здания вокзала, чтобы купить леденцов, но кондуктор придержал меня за рукав:

– Осторожно, госпожа! Слышите? Северо-Западный экспресс приближается.

Рельсы тут же загудели, раздался пронзительный свист, и мимо нас, грохоча, содрогаясь и дыша раскаленным паром, на полной скорости промчался поезд.

Локомотив был выкрашен ярко-синей краской; за стеклом я успела разглядеть машиниста в зеленой униформе и алые отблески топки на потолке. Следом весело простучали колесами три желтых пассажирских вагона первого класса, несколько зеленых вагонов второго класса, а последним был прицеплен выкрашенный серым почтовый вагон, обшитый стальными листами, с окнами-амбразурами, как в военном форте.

– Что это такое? – удивилась я вслух.

– Специальный бронированный банковский вагон, – пояснил станционный служащий, который стоял возле полосатой будки на платформе. – Раз в месяц везет золотые слитки для отправки в заморские банки. Внутри вагона – охрана с ружьями. Если грабители сунутся, им не поздоровится. Поезд едет без остановок до самого побережья; остановится на заправку водой и углем лишь однажды, в небольшом городке Крипвуде, через час езды к северу отсюда.

– Я как раз направляюсь в Крипвуд! – оживилась я. – Буду там работать по направлению от Департамента образования. Чем еще известен этот город?

– Да ничем. Не повезло вам, госпожа. Глухое место, скукота. Туманы, леса, болота. Дыра дырой. Новые люди туда редко едут, а если и едут, то скоро возвращаются; прижиться там не каждый сумеет. Чужих местные не привечают.

Он посмотрел на меня сочувственно. Я пожала плечами и двинулась к прилавку у здания вокзала.

Да что они все заладили – дыра, глухомань, не повезло! Такие слова не настраивают на радостное ожидание.

Полно! Я не развлекаться туда еду. Мне бы затаиться на год в укромном месте, и для этого Крипвуд подойдет как нельзя лучше. Там будет тихо, покойно, а работа даст цель. Я буду

так занята, что не останется времени жалеть себя да горевать. Кто знает, быть может, я найду там свое счастье! Быть может, мне потом и не захочется возвращаться в столицу…

Толпа на платформе рассосалась, лишь у фонаря беседовал с полицейским полный приземистый господин. Он стоял спиной ко мне, и когда я его увидела, по моему телу пробежала судорога, как от удара током.

Серое пальто. Голова посажена на широкие плечи. Прилизанные волосы с проседью.

Дядя! Как он нашел меня? Бежать, скорее бежать, пока он меня не заметил! Но он с полицейским… они задержат меня! И если дядя здесь, то где-то должен быть и мой бывший жених, Андреас… они заодно.

Но сбежать не получилось; нервная дрожь сменилась онемением, ноги словно вросли в бетон, сердце колотилось как сумасшедшее.

Тут приземистый господин повернулся, и оказалось, что он на десяток лет младше моего дяди и совершенно не похож на него лицом.

Я с шумом выдохнула; оказывается, я долго задерживала дыхание и сама этого не замечала.

Впрочем, сердце никак не утихало; я поскорее вернулась в вагон.

«Спокойно, Эрика, – уговаривала я себя. – Все в порядке. Уж если они тебя не нашли за лето в столице, сейчас и подавно не отыщут».

Последний час пути я провела как на иголках. Проверила вещи в саквояже, застегнула на все пуговицы жакет, поправила шляпку: не годится появляться на станции неряхой, нужно произвести хорошее первое впечатление на людей, среди которых я буду жить.

За Шваленбергом деревья стали выше и гуще. Солнце лишь изредка мелькало сквозь верхушки елей, а вскоре и вовсе скрылось за облаками. Между темными стволами клубился белесый туман. Изредка сверкала затянутая рыжей ряской гладь болот. Мрачный край открылся за окнами вагона.

Я испытала секундную тоску по ярким цветам и нарядным зданиям столицы, но тут же напомнила себе, что ничего хорошего не ждало меня в Сен-Лютерне. В то время как здесь, в глуши, я буду в безопасности.

Наконец локомотив сбавил ход и начал тормозить. За окнами замелькали крыши амбаров, выпасы, потом показались каменные старинные дома.

Крипвуд! Вот я и прибыла.

Колеса заскрежетали, вагон качнуло, и поезд остановился на станции, состоявшей лишь из низенького здания вокзала под остроконечной крышей и угольного склада.

Я подхватила саквояж и, стараясь держаться уверенно, пошла к выходу.

Глава 2. Чудаковатый директор школы

– Крипвуд, – объявил кондуктор. – Стоим минуту. Прошу поторопиться, барышня.

Выпрямив спину, я сошла по ступенькам вагона и ступила на платформу. Встала возле чемодана, чтобы отдышаться, и с изумлением отметила, что от волнения у меня подгибаются колени.

Надо успокоиться. Столица далеко, люди, которые желают мне зла, тоже далеко. Что бы ни ждало меня в будущем, все будет лучше, чем то, что осталось позади.

Паровоз шумно выдохнул и окутал платформу клубами дыма. С минуту я ничего не видела; лишь вырисовывались смутные очертания водокачки да остроконечной крыши вокзала.

А потом в дымовом облаке показалась чья-то тень, как на занавесе теневого театра. Силуэт двигался в моем направлении и имел странные формы; голова у человека была длинной, похожей на солонку. Я поежилась. Неожиданно мне стало не по себе, как будто я попала в потустороннее царство, где живут лишь призраки.

Пронзительно прозвучал свисток кондуктора, лязгнули вагонные сцепки, поезд тронулся, за моей спиной застучали колеса.

Дым наконец рассеялся, и я очутилась нос к носу с невысоким пожилым мужчиной в потертом костюме. На его голове набекрень сидел старомодный цилиндр, на тулье красовались круглые очки-консервы. Мужчина приложил к сердцу руку в кожаной перчатке с обрезанными пальцами, наклонил голову и осведомился:

– Имею честь видеть госпожу Верден?

– Да, это я, – сказала я с облегчением, увидев перед собой человека из плоти и крови – пусть и странно одетого, но имеющего вполне дружелюбный вид. – Добрый день.

Но радость моя была преждевременной, потому что мужчина вдруг нахмурился и потребовал:

– Позвольте ваш паспорт и направление от Департамента образования.

– Сначала мне бы хотелось узнать, с кем я имею дело и по какому праву вы просите меня об этом. – Я не стала скрывать недовольство столь бесцеремонной просьбой.

Мужчина вздохнул и как будто бы устыдился, потому что ответил гораздо любезнее:

– Меня зовут Стефан Степпель. Я директор местной школы. Простите, что встречаю вас такими словами, но дело в том, что вы… – он замялся, – несколько не та особа, которую я ожидал.

Господин Степпель молниеносным взглядом оценил мое простое, но хорошо сшитое платье и дорогой жакет. Модная шляпка тоже не осталась без внимания. Он слегка нахмурился, показывая недоумение.

Да, верно: учителя обычно не могут позволить себе одеваться в лучших столичных магазинах. Но я уделяла большое внимание внешнему виду. Кроме того, гардероб – это все, что осталось от моей прошлой безбедной жизни.

– И кого же вы ожидали увидеть? – Я не желала смягчаться. Пусть я лишь две недели назад окончила учительские курсы, а этот человек мне в отцы годится и он мой будущий начальник, придется сразу дать понять, что со мной нужно считаться. Я учительница, и если хочу добиться уважения от будущих учеников и их родителей, то должна в первую очередь добиться уважения от коллег.

– Даму гораздо старше и более опытную, – признался господин Степпель таким виноватым голосом, что я почти простила его. – Кроме того, в соседних городах орудует немало мошенников, вот поэтому я и решил… так сказать, удостовериться на месте.

– Я не так уж молода. Мне двадцать четыре. Что ж, вот письмо из Департамента образования, рекомендации. Диплом, свидетельства.

Я протянула пухлый конверт; господин Степпель вновь рассыпался в извинениях, но все же конверт вскрыл и самым внимательным образом ознакомился с его содержимым.

Пока он изучал документы, я изучала господина Степпеля и согласилась с характеристикой, которую дала ему моя капустная попутчица: несомненно, чудак. Но не лишенный хитринки: об этом говорили его прищуренные глаза, которые лукаво посверкивали из-под мохнатых седоватых бровей, острый нос да особый рисунок морщин вокруг лягушачьего рта.

На учителя, тем более на директора школы, он походил еще меньше моего; не представься он, я бы решила, что этот человек – владелец антикварной лавки, который готов вам впарить дешевую статуэтку по цене в десять раз выше ее стоимости, да еще и надует при расчете.

– Ага, ага, – удовлетворенно хмыкал господин Степпель, вчитываясь в мелкие буквы. – О-о-о, вы окончили академию Одаренных! Вы сенситив!

Он оторвался от листка бумаги и уставился на меня с новым выражением – теперь в его глазах, несомненно, мелькало уважение, которого я так добивалась.

– Значит, будете преподавать новый предмет со знанием дела. И что же вы умеете? Вы пиромансер, повелительница огня? Или электромансер? Или зоомансер? Детям бы это понравилось. У нас есть живой уголок в школе, и…

– Я универсал, – прервала я его, решительно забирая документы из его рук. – Понемногу умею и то, и это. Лучше всего мне удаются зрительные иллюзии.

– Но у вас почему-то не проставлены оценки по предметам и нет указания специализации, – отметил господин Степпель, вновь демонстрируя редкую наблюдательность.

– Это такой вид диплома, – ответила я, не желая раньше времени раскрывать свою постыдную тайну и портить впечатление. В конце концов, я буду учителем. А то, что я Одаренная, – это не главное, что от меня требуется.

– Но почему вы пожелали стать учительницей, да еще в такой глуши, как наш город? Для Одаренных открываются отличные перспективы на государственной службе. Вы могли бы работать в столице…

– Я решила, что быть учителем – мое призвание. Вы наверняка заметили, что в справке об окончании учительских курсов у меня стоят высшие баллы. И приложены отличные рекомендации от наставника и инспектора. Кроме того, у меня были причины покинуть столицу. Ничего криминального. Личные причины. Сугубо личные.

Моя резкость произвела впечатление на господина Степпеля. Он понял, что переходит границы вежливости.

– Прошу, простите старику его назойливость. – Он мимолетно улыбнулся. – Вы устали после долгой дороги – семь часов в пути не шутка! А я держу вас на вокзале. Идемте! Провожу вас до школы и познакомлю с другими учителями. Они ждут вас с нетерпением. Дом, где мы вас поселим, находится в двух шагах от школы. Скоро вы там устроитесь с удобствами и сможете отдохнуть. Это ваш багаж?

– Не стоит, я сама! У меня всего один саквояж и чемодан на колесиках…

Но господин Степпель, не дослушав, схватил мои вещи и зашагал вдоль платформы. Я поспешила за ним.

Мы прошли мимо здания вокзала – я отметила, что оно очень нарядное, с зелеными стенами, ажурными решетками на окнах и белеными ставнями, – спустились по деревянной лесенке и вышли на вымощенный камнем пятачок, со всех сторон окруженный кирпичными стенами складов.

– Довезу вас на своем экипаже, – объявил господин Степпель хвастливо, и я поняла, что должна обязательно сказать комплимент тому средству передвижения, на котором он прибыл. А когда увидела, что это, у меня от изумления раскрылся рот.

Я ожидала повозку или двуколку, но директор прибыл на автомобиле.

Вероятно, господин Степпель нашел его на свалке. Или, точнее, нашел несколько автомобилей разной степени потрепанности, а потом из более-менее целых деталей собрал то, что стояло передо мной.

У этого… агрегата были огромные разномастные колеса – спицы погнуты, некоторых не хватает. Мотор прячется под установленной впереди черной коробкой, а над узкими сиденьями торчит на тонких опорах потрепанный кожаный козырек. Фары расположены широко, левая чуточку покосилась, и поэтому «морда» автомобиля, если так можно выразиться, имела глупое и удивленное выражение, как у человека с задержкой в развитии.

Хоть я не разбиралась в технике, но догадалась, что автомобиль был оснащен не бензиновым, а паровым двигателем. Такие раритеты на улицах столицы редко встретишь.

– Хорош, не так ли? – горделиво сказал господин Степпель.

– Да, интересная модель, – согласилась я.

– Его собрал и подарил мне наш местный изобретатель и механик Амброзиус Анвил. Он будет рад с вами познакомиться. Как и другие горожане. Некоторые, кстати, ждут вас в школе прямо сейчас. Новый человек в городе – всегда волнующее событие. Особенно если этот человек прибыл из столицы и будет играть важную роль в местном обществе.

– О! – только и смогла ответить я. Не ожидала я такой чести…

* * *

Директор подал мне руку, и я забралась на высокую подножку. Поерзала, удобнее устраиваясь на сиденье. Кусок обшивки в одном месте оторвался, в бедро впилось что-то острое. Ноги девать было некуда; впереди, у рулевого колеса, торчали переключатели, рычаги и прочие детали. Чулок зацепился за пружину, на щиколотке, к моей досаде, появилась дыра.

Господин Степпель лихо вскочил на место водителя. Деловито пошуровал рычагами, что-то подкрутил. Экипаж затрясся, застучал мотор, нас окутало клубами пара.

– Поехали! – радостно объявил господин Степпель, натянул очки на глаза, прихлопнул цилиндр рукой, и мы и вправду поехали – хотя я уже начала сомневаться, что чудной автомобиль на это способен.

Но колеса крутились быстро. Слишком быстро, на мой взгляд. Они подпрыгивали на брусчатке, экипаж нещадно трясло. Мои зубы клацали в такт двигателю, и скоро я нечаянно прикусила язык. Шляпку пришлось придерживать рукой, чтобы не сползала на глаза. В желудке творилась болтанка. Хорошо, что там было пусто, иначе я бы опозорилась.

– Да… да… далеко нам ехать? – Я охнула, так как прикусила язык во второй раз – теперь до крови.

– Недалеко! – успокоил директор и поддал пару. – Прокатимся с ветерком!

Мне не терпелось поскорей взглянуть на город, и как только мы въехали на широкую улицу, я принялась озираться, стараясь при этом не свалиться с сиденья, когда колесо наезжало на особо крупный булыжник.

Надо сказать, я была приятно удивлена. После нелестных отзывов моей попутчицы и станционного служащего я ожидала увидеть грязную и действительно глухую деревню с покосившимися домишками, коровами на улицах и кучами навоза.

Но Крипвуд оказался аккуратным, чистым, разве что мрачноватым. Дома двухэтажные, сложены из темного камня. Стены обильно увиты плющом, который в осеннюю пору приобрел

пунцово-кровавый оттенок. Мостовая ремонтируется своевременно – ни глубоких выбоин, ни грязи. Вдоль дороги фонари, причем электрические.

Я-то вообразила, что здесь такая глухомань, что люди по старинке пользуются свечами и газом. Но нет; электростанция в городе имеется.

Но вот странная деталь: большинство окон закрывают ажурные, но крепкие решетки, как будто жители опасаются грабителей. И на решетках, на окнах, над дверьми висят подковы или пучки сухих трав, украшенные серебряными бусинами, пуговицами, лентами…

Что это такое? Похоже на обереги от нечистой силы. Я видела такие в столичном музее антропологии, и наша старая привратница в доме дяди иногда вешала похожую штуку у себя в каморке.

Кажется, жители и правда здесь суеверны без меры.

А вот и сами жители. Горожане с любопытством выглядывали из окон, привлеченные шумом. Экипаж господина Степпеля грохотал, как горный обвал, и директор с удовольствием жал на крикливый рожок, когда на дороге появлялся кот, собака или человек.

При этом директор успевал раскланиваться со знакомыми.

– Добрый вечер, господин Степпель! – весело махнул ему усатый лавочник, подпиравший плечом косяк двери под вывеской с надписью «Бакалея». Рядом с вывеской болтался веник-оберег размером с лопату.

Мы проехали аптеку и магазин под названием «Готовое платье и галантерея госпожи Ракочи». В витрине стоял разодетый манекен. На нем было напялено так много одежды, что он напомнил мне мою попутчицу. Видимо, это была последняя провинциальная мода.

– Смотрите! – сказал господин Степпель, замедляя ход экипажа, и ткнул рукой сначала направо, потом вверх.

Я послушно повернулась и увидела очень странный дом. Узкий, двухэтажный, увешанный мотками проволоки, медными коробками, барометрами, термометрами и разными другими непонятными приборами – многие гудели и искрили. Повинуясь движению руки господина Степпеля, я задрала голову и ахнула: над крышей, ощетинившейся флюгерами, тянулся в небо толстый канат, почти до самых серых облаков, а на конце каната колыхался на ветру, как поплавок на реке, круглый аэростат.

– Это дом местного изобретателя, господина Анвила, – объяснил директор и добавил с усмешкой: – Светлая голова. Любитель метеорологии, исследует воздушные потоки и обожает грозы. Вон там, за его домом, – ваш коттедж. В нем раньше жила ваша предшественница. Она проработала здесь лишь полгода и вернулась в столицу. Ей у нас не понравилось… Мы попросили школьного уборщика помыть и подготовить коттедж для вас. Он приводит его в порядок в эту самую минуту, поэтому пока я везу вас в школу… придется подождать. Но вы заселитесь сегодня же и, уверен, найдете ваше жилище весьма уютным.

Я вытянула шею, вгляделась и вздохнула от удовольствия.

Это отвели для меня? Я буду жить в этом прелестном домике?

Я не успела хорошенько рассмотреть его, но увидела, что коттедж выкрашен приятной голубой краской, окна в нем чистые, с кружевными занавесками, а под окнами – цветник!

Как же приятно узнать, что в этом городе ценят учителей настолько, что дают им такие прекрасные дома! Лучшего невозможно пожелать.

* * *

Экипаж свернул на узкую улочку и остановился у последнего здания на улице.

– А вот и наша школа, – сообщил господин Степпель, заглушая мотор. – В городе живут не больше пяти тысяч жителей, учеников у нас немного. Всего три класса, в них учатся дети

разного возраста. Младший класс, средний и старший. Вы будете преподавать в младшем классе, детям от восьми до десяти лет. У вас, как понимаю, опыта пока не много?

– Не много, – призналась я, подавая господину директору руку и спрыгивая на землю.

Он повел меня к школе, придерживая под локоть, что было кстати: после тряски в экипаже мне казалось, что земля ходит ходуном под ногами.

Здание школы было добротным, сложенным из красного кирпича, под ярко-зеленой жестяной крышей. На крыше со скрипом вертелся флюгер-петушок.

– Ветер меняется, – озабоченно заметил господин Степпель. – Завтра будет непогода. Того гляди придут грозы.

– Грозы осенью? – удивилась я. – Редкое явление. У нас в столице они бывают весной и летом.

– В наших краях странный климат, и грозы случаются аж до поспевания рябины, до первого снега. Видите ли, тут у нас сыро, воздух холодный в низине. А дальше, на побережье, полно скал. От них поднимается теплый воздух. Теплые и холодные потоки сталкиваются, и тогда… господин Анвил объяснит это лучше, он отлично разбирается в метеорологии и пишет доклады в столичные научные общества о погодных аномалиях.

– Очень интересно! – воскликнула я.

– Да, аномалий у нас тут немало, – загадочно пробормотал господин директор. – И не только погодных.

Мы шли по школьному двору. Здесь имелась площадка для игры в мяч, качели и столб с привязанными к верхушке канатами. А на самой окраине двора стоял старый каштан – приземистый, узловатый и мертвый. Вокруг каштана росла густая трава, не истоптанная детьми. На его ветках не было ни одного листка, а верхняя часть ствола заканчивалась обгорелым обрубком. Но и на самом стволе, и на ветках висели сухие пучки трав, обереги и камешки с просверленными посередине дырочками… Кроме того, черная кора была утыкана блестящими точками, как будто кто-то вбил в нее дюжины гвоздей.

Нижняя часть дерева была усеяна наростами серо-голубого цвета. Но я знала, что наросты в темноте будут испускать мертвенный флюоресцентный свет… boletus magicus, «волшебный» гриб-паразит, который пользуется среди Одаренных одновременно доброй и дурной репутацией…

Из этих грибов изготавливали особый препарат, который мог временно усилить способности Одаренных к манипулированию эфирными потоками. Но злоупотреблять препаратом не стоило; он вызывал привычку и в итоге приводил к деградации личности. Почти как опиум или гашиш.

Впрочем, вряд ли в Крипвуде есть спрос на это сомнительное средство. О нем наверняка тут даже не слышали.

Мертвый каштан, увешанный странными украшениями, интересовал меня куда больше. Никогда не видела ничего подобного.

– Что это за дерево? Какой-то школьный проект?

– Это? – Директор быстро посмотрел на мертвый каштан и тут же отвел взгляд. – Наше городское пугало. Говорят, того, кто пройдет под его ветками, ждет несчастье.

– И вы в это верите? – Я была изумлена. Господин директор школы производил впечатление умного человека. И на тебе: и он находится под властью странных примет!

Директор пробормотал что-то неразборчивое. Он подвел меня к высокому крыльцу. Его ступени были истерты ногами школьников. А когда мы поднялись, дверь неожиданно распахнулась, зазвенели подвешенные над проходом колокольчики.

– Добро пожаловать! – чопорно сказала невысокая худощавая дама, которая и открыла для нас дверь.

Она осмотрела меня, поджав губы.

– Госпожа Эмма Лотар, – сообщил директор. – Моя помощница и ваша будущая наставница. Она ведет уроки математики, географии и словесности. А это госпожа Верден.

Мы пожали друг другу руки. Видимо, в молодости госпожа Лотар была красива; она до сих пор сохранила фарфоровой белизны кожу и глубокую синеву глаз. Но теперь на ее высоком лбу была сеть морщинок, а губы стали тонкими, и она поджимала их так, что я сразу угадала в директорской помощнице брюзгу. На ней было черное платье с белым воротничком и хрустальной брошью у шеи.

На меня госпожа Лотар смотрела с глубоким неодобрением.

– Мы вас заждались, – сообщила она обвиняющим тоном. – Учителям и членам попечительского совета не терпится поглядеть на вас. Мы хотели встретить вас на станции, но господин Степпель решил, что лучше накрыть для вас стол в учительской. У нас как раз закончилось заседание совета, поэтому мы решили не расходиться, а подождать вашего прибытия.

– Накрыть стол? – эхом отозвалась я. И услышала гул голосов, который шел из-за последней двери в темном и длинном коридоре. В учительской было не менее двух дюжин человек.

Неужели они действительно собрались приветствовать меня? Кажется, ожидаются настоящие смотрины!

Ситуация была неприятная и нелепая. После дороги вид у меня был весьма потрепанный, и я валилась с ног от усталости.

– Господин Степпель, понимаете, я только что с поезда, мне бы сначала умыться, переодеться… – начала я нерешительно, но директор схватил меня за руку и почти силком потащил в глубь коридора.

– Понимаю! – весело сказал он. – Но ваш дом еще не готов, уборщик возится, как улитка. Он у нас парень неспешный, любит все делать основательно. Придется вам пока побыть с нами. Вы выпьете с нами чаю, расскажете о себе. Познакомитесь со всеми.

«Ну точно – смотрины», – с досадой подумала я.

– Не беспокойтесь, вы всем понравитесь даже в дорожной одежде и пыли. Мне вы уже понравились. – Директор ободряюще похлопал меня по плечу. Госпожа Лотар шла позади, и я лопатками чувствовала ее недобрый взгляд.

Мы подошли к двери. Из щелей в темный коридор лился свет. Шум усилился, кто-то засмеялся, кто-то отпустил ворчливую реплику.

– У вас много учителей?

– Всего трое. Но там члены попечительского совета, и кое-кто из любопытных горожан тоже зашел на огонек.

Я мысленно застонала.

– Пришел бургомистр господин Флегг, и господин Робервaль тоже здесь, – подала голос госпожа Лотар.

Господин Робервaль… Попутчица в поезде говорила, человек он непростой, с ним надо держать ухо востро.

Одна новость хуже другой… Я не была готова встречаться с первыми лицами города.

Но деваться некуда; господин директор распахнул дверь и с жизнерадостным «А вот и мы!» ввел меня в учительскую.

Глава 3. Господин с мертвыми глазами

Я зажмурилась от яркого света и несколько секунд моргала. Гул голосов стих; воцарилась настороженная тишина.

Потом в тишине кто-то кашлянул.

Я приоткрыла веки, поморщилась и обвела взглядом учительскую.

Комната была просторной. Блеск чайника на столе, разноцветные пятна карт и плакатов на стенах и книжных корешков в шкафу запрыгали в моих глазах. От духоты мне стало на миг дурно.

От длинного стола вразвалочку вышел полный господин и широко раскинул руки. Я непроизвольно отшатнулась, решив, что он собирается обнять меня и прижать к груди, как старого друга.

– Весьма, весьма рад! – объявил господин гулким голосом. – Вот, значит, вы какая, наша новая учительница. Добро пожаловать в Крипвуд! Разрешите от имени города поблагодарить вас за то, что прибыли сюда. Позвольте представиться: Фалберт Флегг, бургомистр этого славного, но богом забытого места.

Он склонил голову и протянул мне руку. Я машинально пожала ее.

У господина бургомистра было широкое лицо, умильные глаза щелочками и пухлое тело, отчего он походил на ком теста, готовый к посадке в печь. Его обширная лысина и рыхлые щеки блестели от пота, словно смазанные маслом. Над ушами топорщилась бахромка рыжих волос.

Он энергично потряс мою руку. Его ладонь показалась неприятно горячей, а пожатие было слишком крепким. Он носил крупную печатку с гравировкой – двумя затейливо украшенными буквами Ф. Металл кольца больно врезался в мою кожу.

Выпустив мою руку, господин Флегг еще раз с энтузиазмом поклонился. Потом заложил большие пальцы в карманы жилета и неторопливо осмотрел меня с головы до ног, как давеча сделал господин директор.

Кажется, бургомистр остался доволен осмотром, потому что расплылся в добродушной улыбке.

– Прошу к столу. – Он сделал приглашающий жест. – Вы наверняка устали с дороги и не откажетесь от чашки чая в нашей теплой компании.

Его слова стали сигналом для остальных.

– Просим! Здравствуйте! Добро пожаловать! – неслось со всех сторон.

Я ошеломленно крутила головой, не успевая отвечать на приветствия.

Господин бургомистр, видя мое замешательство, подхватил меня под локоть и подвел к столу. Мне тут же налили чая и передали чашку. Я неловко взяла ее и поблагодарила кивком.

Бургомистр начал быстро называть присутствующих.

– С господином Степпелем и госпожой Лотар вы уже знакомы… вот еще одна ваша коллега – госпожа Барбута.

Госпожа Барбута выглядела как добрая тетушка, которая пичкает племянников сладостями и любовно щиплет их за щеки. Смотреть на нее было приятно: приземистая и румяная, она излучала добродушие. Наверное, ученики от нее без ума.

– Господин Крежма, аптекарь… Госпожа Трубар, хозяйка почты…

От удивления и волнения у меня кружилась голова, лица слились в одно, и я почти никого не запомнила.

Неудобная ситуация – потом придется знакомиться заново. Ничего, впереди немало времени.

Присутствующие собрались у стола, некоторые остались у стены и поднимались на цыпочки, чтобы лучше разглядеть новенькую. Я чувствовала себя важной персоной, и это выбивало из колеи.

До чего неожиданно очутиться на импровизированной вечеринке, организованной в твою честь!

Мой взгляд то и дело задерживался на столе, уставленном тарелками и вазочками с печеньем. Попечители заседали со всеми удобствами.

Так и подмывало схватить самый большой бутерброд – у меня с утра крошки во рту не было, – но я сдерживала себя, ожидая расспросов.

Наконец господин бургомистр сделал паузу. Я послала улыбку последнему из представленных – осанистому важному мужчине, которого бургомистр отрекомендовал как начальника пожарной части. Он игриво ухмыльнулся в ответ, протянул руку, пошевелил толстыми пальцами над тарелками, потом остановил свой выбор на бутерброде с ветчиной и отправил его в рот.

Сообразив, что с официальной частью покончено, я решила последовать его примеру. Разговоры со мной завести не пытались, ограничивались дежурными фразами «Надеюсь, вы доехали хорошо?» и «Добро пожаловать!».

Пора было позаботиться о себе.

Я изучила тарелки и начала без зазрения совести угощаться. Госпожа Барбута понимающе улыбнулась и, кажется, подмигнула; вид у меня наверняка был изможденный.

Плевать на взгляды и улыбки. Если я немедленно не поем, то упаду в голодный обморок.

– …И, наконец, позвольте представить вам самого уважаемого жителя нашего города, нашего дорогого патрона, который немало сделал для школы и горожан… – продолжал говорить бургомистр, и голос его внезапно приобрел совсем уж сахарно-масляный оттенок. – Господин Корнелиус Роберваль!

Присутствующие расступились, из кресла в углу неторопливо поднялся и вышел на середину комнаты высокий мужчина, одетый во все черное.

* * *

– Господин Роберваль – глава попечительского совета. На его средства была отремонтирована школа и оборудован учительский коттедж, где вы будете жить, – разливался бургомистр.

Я мысленно выругалась. Оказывается, господин Флегг еще не закончил знакомить меня с важными горожанами. Встречу с наиважнейшим из них он отложил напоследок, и теперь я удостоилась чести быть представленной тому самому господину Робервалю, местному фабриканту и богатею с дурным характером.

Ситуацию осложняло то, что теперь мой рот был набит вкуснейшим сэндвичем с тунцом и яйцами. Я чувствовала себя неловкой и невоспитанной.

Я обреченно смотрела, как длинные ноги в отглаженных брюках и дорогих ботинках медленно шагают мне навстречу. В полной народу комнате наступила такая тишина, как будто сам король шел среди подданных.

Я медленно подняла голову, торопливо проглотив кусок рыбы.

Господин Роберваль оказался высоким и поджарым, с бледной кожей и черными волосами, которые он зачесывал назад. Лицо у него было длинное, угловатое, с круто выдающейся вперед челюстью и тонким породистым носом. Резко очерченные скулы и глубокие линии возле рта придавали Робервалю недобрый вид. Бледный шрам на правой щеке тоже не добавлял его облику мягкости.

И у него были странные глаза. Угольно-черные, глубоко посаженные, под густыми, почти сросшимися бровями.

Его глаза не отражали свет; словно два пистолетных дула уставились на меня.

От его взгляда мороз пробежал по коже. Захотелось сделать шаг назад, хотя я не робкого десятка. Видала я людей и пострашнее, но господина Робервaля, как плащом, окутывала аура высокомерия и дурного нрава. Он смотрел на меня и как будто сквозь меня.

Крайне неприятный взгляд. Так умеют смотреть львы. И властные люди, уверенные в своем превосходстве.

– Добрый вечер, госпожа Верден. Добро пожаловать в Крипвуд, – произнес он ровным тоном, не лишенным дружелюбия, что меня удивило.

У него был глуховатый и довольно приятный баритон. «Дымный голос», – мелькнуло в голове.

Моя приятельница Анна – журналистка, любит неожиданные эпитеты. Я заразилась от нее этой привычкой. И теперь, когда я нашла определение голосу господина Робервaля, в горле запершило, как будто меня и правда окутало облако дыма – будто сигнал пожара, вызывающий острую тревогу. И даже щеки загорелись, как бывает, когда приблизишь лицо к пламени.

Волоски на моем затылке встали дыбом.

«Опасный противник этот господин Робервaль, – подумала я и тут же одернула себя. – Не стоит думать о нем как о противнике. Быть может, он станет моим союзником. Видно, что человек он образованный. И наверняка разумный, без предубеждений».

– У вас большой опыт в преподавании? – осведомился господин Робервaль. Теперь он прицельно вперил в меня свой темный взор. Я поежилась.

– Не сказать, что большой. Я лишь две недели назад окончила учительские курсы. Но у меня была практика в школе под руководством наставника. Самостоятельно занятия пока не вела.

– Это плохо, – любезно поделился мнением господин Робервaль, и я немедленно ощетинилась.

– У меня отличные оценки и за практику, и за теорию. Уверена, я справлюсь с учениками и сумею принести пользу.

– Посмотрим. Но вы, по-моему, не так уж молоды. Давненько выпустились из школы. И только сейчас окончили курсы? Сколько вам лет?

А вот это уже откровенно неприличный вопрос. А тон! Язвительный, высокомерный. Я со стуком поставила чашку на стол и выпрямилась. Язык чесался ответить резко, но я сдержалась.

– Мне двадцать четыре.

– До этого нигде не работали?

– Я получала образование.

– Госпожа Верден окончила академию Одаренных! – горделиво объявил господин директор и оказал мне дурную услугу. Присутствующие вдруг зашевелились и начали переглядываться. Лица у всех сделались встревоженными, и наступила тишина, как это иногда бывает, когда в общем разговоре кто-то сообщает шокирующее известие.

Господин Робервaль лишь едва заметно поднял брови.

– Значит, вы Одаренная, – констатировал он сухо.

И в этот момент кто-то отчетливо пробормотал в дальнем углу комнаты:

– Ведьма! Ведьма будет учить наших детей. Только этого нам не хватало.

Все присутствующие сделали вид, что не услышали шепота. Стоящие в первом ряду криво улыбнулись, чтобы загладить неловкость.

Но атмосфера в комнате изменилась. Дружелюбная минуту назад, теперь она стала натянутой, и звенела в ней тонкая нотка враждебности.

– Да, – твердо ответила я. – Я сенситив. Я умею управлять эфирными телами и потоками. Творить чудеса, как говорят необразованные люди.

Я с вызовом обвела глазами комнату. Вот и первая стычка с предрассудками. Однако она произошла скорее, чем я рассчитывала.

– Управление эфирными потоками – удивительное открытие последних лет, – поспешила разрядить обстановку госпожа Барбута. – Правда, в Крипвуде нет ни одного Одаренного из академии. И вправду, эти ваши таланты похожи на чудо расчудесное! Поэтому простите нам наше любопытство. Мы же тут люди простые, живем по старинке.

– Но скоро все изменится! – громогласно объявил господин директор, раздраженно взмахивая рукой. – Госпожа Верден будет преподавать ученикам новый курс, рекомендованный Департаментом образования.

– Это какой? – иронично спросил господин Крежма, аптекарь. – Основы ведьмовства и колдовства?

– Познание сверхприроды, – ответила я. – Так называется предмет, который уже вовсю преподают в столичных школах. Он позволяет выявить Одаренных детей в раннем возрасте, учит их преодолевать физические границы и развивает воображение. Это подобие подготовительного курса перед испытаниями, которые проходят подростки в двенадцать лет. Процент выявления Одаренных среди детей, изучавших данную дисциплину, куда выше. Таким образом, они получают возможность вовремя следовать своему призванию.

Кто-то язвительно хохотнул, кто-то неодобрительно покачал головой.

– Именно так, – напористо подтвердил директор. – Пора забыть старые предрассудки. Мы лишаем наших детей возможности добиться чего-то большего.

– Значит, Стефан, вы не отказались от своей затеи. – Господин Робервaль в упор посмотрел на директора. – Не выполнили приказ попечительского совета.

– Разумеется, нет. Я намерен всесторонне развивать наших учеников. И буду следовать рекомендациям Департамента образования. Да полно вам, Корнелиус! Вы же умный человек, долго жили в столице. Неужели вы тоже считаете Одаренных колдунами? Вспомните, когда-то электричество считали дьявольским изобретением! И телеграф! И паровозы! И летательные аппараты! А теперь мы не представляем без них жизни. Пора дать дорогу прогрессу!

Господин директор раздраженно стукнул по бедру своим нелепым цилиндром, который он снял, войдя в комнату, и держал в руке.

– Да, я долго жил в столице, – подтвердил Робервaль и скрестил руки на груди. – И поэтому хорошо знаю, какой вред принесло решение властей дать доступ публике к этим новым наукам… К этому явлению, которое еще не до конца исследовано.

– Корнелиус, послушайте…

Но он не дал себя перебить.

– Есть вещи, которые не должны становиться общедоступными. Некоторые знания не идут на пользу людям. Они портят их. Открывают темные стороны их души. Нет, господин директор, вы меня не убедите. Моя дочь не будет посещать этот курс. Насколько помню, он не является обязательным в школьной программе. Однако, как глава попечительского совета, я рекомендую вам отправить госпожу Верден обратно в столицу и попросить прислать другую учительницу. Обычную. Не обладающую даром, который, несомненно, вызовет толки среди горожан.

Вот тебе и образованный человек! А у самого голова полна всякой чепухи, как у неграмотного лесоруба!

И у Робервaля, оказывается, есть дочь? Она будет моей ученицей? Да, с этим папашей каши не сваришь. Он мне противник и никогда не будет моим союзником.

В комнате поднялся гул. Зазвучали голоса в поддержку того, что сказал господин Робервaль. Вероятно, он высказал всеобщее мнение.

– Пожалуй, мне пора, – сказала пожилая, хорошо одетая дама – я не помнила ее имени. Она поставила на стол чашку, подхватила сумку и пошла к выходу. – Доброй всем ночи. Доброй ночи… как вас там… госпожа Верден.

Присутствующие один за одним стали прощаться и покидать учительскую. Они избегали встречаться со мной взглядами.

Вскоре в комнате со мной остались только директор, господин Роберваль и госпожа Барбута. Она принялась споро убирать со стола.

– Заверну бутерброды в бумагу, – сообщила она. – Возьмете с собой. Перекусите перед сном. Вам надо хорошо питаться! Вон вы какая бледненькая.

– Господин директор, пожалуйста, объясните, что происходит! – воскликнула я, поворачиваясь к Степпелю.

Робервaля, который не переменил положения и продолжил стоять передо мной со скрещенными на груди руками, я старательно игнорировала.

– Завтра, – вздохнул Степпель. – Все расскажу вам завтра. Введу вас в курс дела. Простите, я виноват. Не стоило окунать вас… во все это. Вы только что с дороги, устали… на вас лица нет. А я, старый дурак, подумал, что… – Он взмахнул рукой и понурился. – Идемте, провожу вас до вашего дома. Ваши чемоданы уже там.

– Дам вам совет, госпожа Верден, – негромко сказал Роберваль. Я стремительно обернулась и наткнулась на непроницаемый взгляд угольно-черных глаз. – Возвращайтесь в столицу. Вам у нас не понравится. Ваш приезд оказался ошибкой и может навлечь беду.

– Ни за что, – отчетливо ответила я. – Я приехала сюда и здесь останусь. И буду работать, как положено.

Роберваль выслушал, недобро усмехнулся, двинулся вперед, обошел меня, как если бы я была табуретом, оказавшимся у него на пути, и покинул учительскую.

Глава 4. Мои ученики

Я была ошеломлена. Совсем не так я представляла прибытие в Крипвуд.

Думала, зайду в школу, покажусь директору, обсужу с ним первый учебный день. Отдохну, обустроюсь. В планах не было знакомства с членами попечительского совета в этот же вечер. И уж совершенно точно я не ожидала встретить нелюбезный прием и получить от местного богатея совет убираться вон из города.

Интересно, где этот господин с мертвыми глазами получил свой шрам? Наверное, сунулся с непрошеным советом к тому, кто не стерпел высокомерие и хорошенько проучил наглеца.

– Идемте, госпожа Верден, – устало сказал Степпель и нахлобучил цилиндр. – Провожу вас до коттеджа.

На улице стемнело, школьный двор освещался единственным фонарем на железной цепи. Фонарь отбрасывал на землю тень, похожую на паука, и противно поскрипывал на ветру.

Из-за угла школы выползал туман; он стлался по земле, как щупальца неведомого чудовища.

Однако ночи в Крипвуде холодные. Озноб пробрал до самых костей, я плотнее запахнула жакет и туго намотала шарф на шею.

Надо озаботиться зимним гардеробом. В городе есть магазин готовой одежды; денег должно хватить, у меня было спрятано в саквояже две сотни кронодоров. А еще мне будут платить жалованье… небольшое.

– Сюда, – поманил Степпель. – Видите огни? Это окна вашего коттеджа. Совсем рядом со школой. Мы пойдем по той тропинке.

– Мне кажется, через двор быстрее. – Я махнула рукой туда, где в сумерках виднелись уродливые очертания мертвого каштана. У меня зуб на зуб не попадал от холода, и скорее хотелось попасть в теплое помещение.

– А так безопаснее, – отрезал господин Степпель и повел круговой дорогой. – Помните, что я рассказывал вам об этом дереве? Не стоит проходить под его ветвями, иначе быть беде. Вам придется соблюдать местные приметы, если хотите тут прижиться.

– Почему тогда совсем не срубить дерево, если оно такое зловещее?

– Нельзя. Его посадил разбойник Иоахим Грабб, еще один зловещий персонаж местного фольклора. Он разозлится и начнет мстить.

Я уловила в голосе директора легкий юмор.

– Неужели вы верите в городские приметы и легенды, господин Степпель?

– Приходится верить. Скоро вы и сами это поймете.

– Я думала, вы верите в науку и прогресс.

– Одно другому не мешает.

От таких загадочных ответов я растерялась, но и рассердилась.

Может, меня разыгрывают? Как новичков в академии? Может, так принято у них в городе – запугивать новоприбывших?

Да ну, чушь. Придется признать, что я попала в весьма странное место и освоиться здесь будет непросто.

Мы подошли к коттеджу; отсюда была видна задняя стена и часть крыши дома изобретателя.

Я с любопытством посмотрела на окна, за которыми горели тусклые огоньки, отчего казалось, что в комнатах скрывается что-то заманчивое. На задней стене тоже было полно медных коробок и проводов, которые теперь изредка искрили и жужжали.

– Скажите, среди попечителей не присутствовал господин Анвил, ваш городской изобретатель? Я не помню, чтобы бургомистр называл его имя.

Директор посмотрел туда же, куда и я, заметил искрящиеся провода и пробормотал:

– Ну точно, быть грозе… нет, господина Анвила не было. Он не входит в попечительский совет. И вообще не любит людей. Любопытный персонаж, наш господин Анвил. А вон и он сам!

Директор указал на крышу, и я увидела там долговязую темную фигуру, которая делала такие движения, как будто с усилием тянула канат.

– Он приземляет аэростат. Завтра утром опять поднимет его в небо.

Я бросила последний взгляд на таинственный дом и дала себе слово как можно скорее познакомиться с его хозяином.

* * *

На крыльце коттеджа нас встретил угрюмый мужчина в рабочей одежде. Его лицо было помятым, с недельной небритостью, волосы всклокочены.

– Виктор, школьный уборщик, дворник и истопник, – представил его директор и добавил вполголоса, когда мужчина отошел, не сказав мне ни слова: – Горький пьяница и драчун. Раз в месяц уходит в запой на три дня, тогда мы вынуждены сами заботиться о помещениях. Но в остальное время он ведет себя тихо, трудится исправно, очень аккуратен. Но его… не любят в городе. Другую работу найти ему трудно.

Я покачала головой. Разве не опасно держать такого человека в школе, где он будет подавать дурной пример детям? Но высказывать вслух свои мысли не стала.

В коттедже было две комнаты – спальня и гостиная. Мебели мало, только самое необходимое: стол, книжный и платяной шкафы, кровать, стулья, несколько полок – но все новое и добротное. На стенах зеленые обои в цветочек, нарядные занавески на окнах. Пол деревянный, выскобленный до желтизны, у входа коврик. Абажур с бахромой заливал комнаты приятным оранжевым светом.

И тут было тепло, в камине трещал огонь, пахло дровами, воском и свежим бельем…

– Чудесный дом! – сказала я с удовольствием.

– Он построен на средства господина Робервaля, и он же оплачивает учителям воду и уголь, – напомнил директор, убив мою радость.

Значит, я обязана этим великолепием господину Мертвые Глаза. Видимо, я должна неустанно благодарить его за щедрость при каждой встрече.

Ладно, поблагодарю, мне не сложно. Но совету его все равно следовать не стану. Ему не удастся выжить меня из этого города.

– В шкафу есть спиртовая горелка и чайник. Бутерброды госпожа Барбута вам дала… завтра она покажет, где покупать провизию, и найдет приходящую девушку для помощи по хозяйству. Прислугу тоже оплачивает господин Робервaль.

– Спасибо, помощница не понадобится. Я сама могу о себе позаботиться.

– Мыть, готовить и убирать? У вас и так забот будет полон рот. Плохо, что вы приехали поздно, накануне первого учебного дня. Отдохнуть как следует не получится, придется готовиться к занятиям. Завтра проведете три урока. Урок словесности в начальном классе, урок истории в среднем классе и… то самое дополнительное занятие. Познание сверхприроды. – Директор испустил очередной тоскливый вздох. – Однако теперь я вижу, что из моей затеи ничего не выйдет. Вряд ли к вам придут ученики. Родители им не позволят.

– Обязаны позволить. Этот курс рекомендован Департаментом образования.

– Где Департамент и где мы!

– Говорят, со следующего года этот курс станет обязательным. А пока я что-нибудь придумаю, чтобы завлечь учеников и уговорить их родителей.

– Надеюсь на вас. По всему видно, вы барышня предприимчивая и упорная. – Директор хитровато прищурился. – И вам палец в рот не клади. Мы с вами сработаемся.

Он дружелюбно похлопал меня по плечу и распрощался.

Я закрыла за ним дверь и без сил опустилась на ближайший стул.

Ну и денек выдался!

Но рассиживаться было некогда; часы на городской башне пробили девять. Их звук показался мне тоскливым.

…Как бой часов на церквушке во дворе психиатрической лечебницы святого Модеста. В палатах лечебницы были голые стены с ободранной краской, зарешеченные окна, крепкие засовы на дверях, жесткие матрасы на продавленных койках. Милостью моего дяди и бывшего жениха я провела в лечебнице два дня, но запомнила на всю жизнь давящее чувство безысходности…

Ни за что не вернусь туда. Я сбежала из столицы. Меня не найдут.

Я вздрогнула и усилием воли отогнала неприятные воспоминания. Потерла виски, затылок.

Хотелось спать; глаза слипались, челюсти раздирала зевота, но отправляться в кровать пока рано.

Согрела немного воды на спиртовой горелке, добыла тазик и кое-как помылась. Переоделась в удобное и принялась разбирать саквояж. Развесила в шкафу одежду – вещей немного, но все из дорогих магазинов. Завтра в класс явится элегантная учительница, одетая по последней столичной моде.

Разложила на столе книги, тетради и письменные принадлежности, прислушиваясь к далекому гулу и треску, что доносились из дома моего соседа-изобретателя.

Надеюсь, его механизмы не станут слишком уж громко шуметь и не потревожат мой сон.

Прошлась по комнате в поисках следов прежней обитательницы коттеджа. Ничего не нашла: моя предшественница забрала личные вещи. Но потом в одном из ящиков комода обнаружилась тетрадь…

На первой странице аккуратным старушечьим почерком были записаны в столбик фамилии под заголовком «Мой начальный класс». Рядом с каждой фамилией стояли пометки: «Светлые волосы, коса, курносый нос». «Веснушки, рыжие вихры. Грызет ногти». «Очки, нет переднего зуба».

Понятно! Старушка не полагалась на свою память и при знакомстве с учениками записала их приметы и привычки. Полезная информация. Стоит ее изучить. Завтра я приду в этот класс и встречусь с этими самыми детьми…

Я согрела воды, заварила чай – в буфете нашлась заварка, достала из сумки пакет с бутербродами, который дала заботливая госпожа Барбута. И обнаружила, что она также свернула кулек из листа, вырванного из старой ученической тетради, и доверху наполнила его печеньем.

Отличное печенье: с корицей и медом, покрытое апельсиновой глазурью. Я позволила себе съесть одно, но потом спрятала кулек обратно в сумку. Мне пришла в голову отличная идея…

А затем села за стол и принялась изучать список и пометки, которые оставила моя предшественница.

* * *

Ночь пролетела как один час.

Укладываясь в незнакомую кровать вечером, я думала, что не усну. Слишком много событий произошло за день. Слишком много пищи для размышлений я получила. Кроме того, меня беспокоили звуки из дома моего соседа. К полуночи они усилились.

Но с каким удовольствием я вытянулась на чистых, пахнущих свежестью простынях, под тяжелым одеялом! В мускулах приятно гудела усталость.

В очаге потрескивали дрова, желтые отблески плясали на деревянных досках пола, на обоях в цветочек, на белоснежных боках чашек на полке. Мне было тепло, радостно и уютно.

Какое удовольствие – иметь свой дом!

Я уснула быстро, да так крепко, что не сразу услышала будильник.

Утром мое настроение было уже не таким радужным.

Очаг погас ночью, комната выстыла, и я закуталась в одеяло, стуча зубами. Пришлось долго искать среди темной массы в камине тлеющий уголек. Я ворошила кочергой, держа наготове смолистые щепки. Уголек никак не находился; спичек также не было поблизости. Вчера я куда-то засунула коробок и не могла вспомнить, куда именно.

Я вздохнула, раздумывая, не прибегнуть ли мне к своему дару, чтобы разжечь огонь. И тут же отказалась от этой идеи.

Пиромансия не была моей сильной стороной. Приложив немало усилий, я могу направить эфирные потоки так, чтобы запустить в фитиле экзотермическую реакцию, при которой произойдет взаимодействие кислорода, выступающего окислителем, и горючих паров парафина…

Проще говоря, я могу зажечь свечу щелчком пальцев. Попытки с пятой – десятой. «Наколдовать огонь», как говорят необразованные люди. Но потом буду мучиться головной болью и дрожью в руках до самого вечера.

Не пойдет. Нужно приберечь силы и дар для урока.

Я продолжила отчаянно орудовать кочергой и наконец увидела красные всполохи. У камина лежали березовые дрова, скоро пламя занялось, комнату наполнил сухой жар.

Умылась и быстро собралась, поглядывая на часы. Как всегда бывает, когда торопишься, возникает куча неожиданных препятствий. Сначала я не могла разыскать вечное перо, потом пришлось очищать пятно с жакета, потом оторвалась пуговица на платье.

Одним словом, я ужасно торопилась и боялась опоздать. За окном шел назойливый осенний дождь; еще пять минут потратила на поиски зонта. Вчера я вытащила его из саквояжа и спрятала неизвестно где. К новому дому и новому расположению вещей нужно было привыкнуть.

К моменту, когда я вышла из коттеджа, у меня окончательно испортилось настроение. Секунду поколебалась: срезать или нет через двор, мимо проклятого каштана? Выбрала дальнюю дорожку: не годится промочить ботинки в траве.

Однако когда я явилась в школу, в коридорах было еще пусто, и в учительской никого не было, кроме истопника Виктора, который мрачно выгребал угли из камина.

– Доброе утро! – весело поздоровалась я с ним. – Спасибо, что подготовили коттедж к моему прибытию.

В ответ Виктор что-то неразборчиво пробормотал под нос. Наверняка вместо устных благодарностей он предпочел бы получить монету за свои труды. Но у меня не было с собой мелочи.

Виктор продолжил возиться у камина, разжигая отсыревшие дрова. У него долго ничего не получалось. Он воровато оглянулся; не заметив, что я наблюдаю за ним украдкой, быстро провел рукой над дровами, и в ту же секунду посыпался сноп искр и загудело пламя.

Черт побери! У него были в руке спички или нет? Уж больно похоже на то, что угрюмый уборщик – Одаренный пиромансер и сделал то, что с таким трудом удается мне, – зажег огонь, манипулируя эфирным полем! Интересно, интересно…

Я повернулась к Виктору и посмотрела на него в упор. Он ответил хмурым взглядом, сунул в карман гремящий коробок и вышел вон, хлопнув дверью.

Ладно. Возможно, я ошиблась. Виктор использовал спички.

Впрочем, почему бы уборщику не быть Одаренным-самоучкой? Почти десять процентов людей наделены талантом управлять эфирным полем. Но если не развивать дар с подросткового возраста, толку не будет. Лишь некоторые умеют вслепую использовать свои способности. Раньше таких людей величали колдунами, знахарями, магами, ведьмами… их изгоняли из поселений, а порой и сжигали на кострах.

Впрочем, в этом городишке к Одаренным до сих пор относятся с недоверием.

Надо узнать, не принято ли у них на выходных выбираться на пикники, где на костре вместо колбасок поджаривают ведьму-другую.

Я усмехнулась, размотала шарф, сняла шляпку и подошла к зеркалу на стене, чтобы пригладить волосы.

Своим отражением осталась довольна: карие глаза блестят, на щеках румянец, волосы уложены в аккуратный пучок. Но вчера, когда я предстала перед попечительским советом в этой самой учительской, вид у меня был неважнецкий.

Высокомерный господин Роберваль увидел меня бледной, с синяками под глазами, с растрепанными локонами, в запыленной и мятой одежде. Я и так не красавица; впрочем, моя подруга Анна, любительница эпитетов, льстиво называет мое лицо выразительным, глаза – лукавыми и утверждает, что ямочка на подбородке выглядит «задорно».

Я потрогала подбородок указательным пальцем.

Вряд ли господин Роберваль счел меня задорной и лукавой. Скорее резкой и упрямой. Но он и сам не отличается хорошими манерами. Лежа в кровати перед сном, я придумала тысячу колких ответов на его реплики. Жаль, они не пришли мне в голову вчера.

Впрочем, я не спасовала перед его высокомерием.

Так держать, Эрика! Случилась первая стычка с господином Мертвые Глаза, но, сдается, далеко не последняя.

* * *

В коридоре нарастал шум: явились школьники. Училось их в школе немного, но они топотали, как табун жеребят, и визжали, как стадо поросят на сто голов. И хохотали, как тысяча дьяволят.

Я начала волноваться. Как-никак мой первый день в роли учительницы. В первый раз буду вести урок самостоятельно, без надзора куратора. Нужно быть уверенной, спокойной, знающей… внушить уважение. Проявлять терпение и выдержку.

Хлопнула дверь: в учительскую вошел господин директор, следом за ним учительницы – жизнерадостная госпожа Барбута и элегантная, синеглазая брюзга госпожа Лотар.

Директор снял цилиндр и пальто, пригладил ежик седых волос, расчесал пальцами бакенбарды, шумно высморкался в клетчатый носовой платок и проницательно спросил:

– Волнуетесь, госпожа Верден?

– Да, – призналась я.

– Вы честны. Это хорошо. Уверен, вы быстро освоитесь.

– Как прошла ваша первая ночь в Крипвуде? – заботливо поинтересовалась госпожа Барбута. – Хорошо спали?

– Как сурок.

– К занятиям успели приготовиться? – со сладкой недоброжелательностью поинтересовалась госпожа Лотар, стягивая кружевные перчатки.

– Конечно.

Почему эта особа невзлюбила меня с первого взгляда? Чем я ей успела насолить? Она скривилась в мою сторону еще до того, как узнала, что я Одаренная.

– Я рассчитывала взять словесность и историю и готовилась к этому весь прошлый год. Но директор выписал из столицы вас. – Госпожа Лотар дернула плечом. – Если будете испытывать затруднения, обращайтесь. У меня огромный педагогический опыт. У вас будет чему у меня поучиться.

Она ядовито улыбнулась, и я поняла, что за помощью обращаться к госпоже Лотар не следует ни в коем случае. Если она претендовала на вакансию, то постарается использовать мое отсутствие опыта против меня. Начнет всячески подчеркивать мою некомпетентность. Знакомое отношение.

Задребезжал звонок; топот и крики за дверью усилились, потом стихли.

– Идемте, отведу вас в класс, – сказал господин директор.

Мы шли по длинному тихому коридору; сердце тревожно колотилось у меня в груди, в такт ему стучали мои каблуки.

Директор привел меня к двери, за которой слышался приглушенный гул, и широко распахнул ее.

Гул немедленно стих; захлопали крышки парт, дети встали. От волнения у меня закружилась голова. В классе было тепло и сильно пахло цветами: на столе обнаружилось несколько букетов, лежали букеты и на партах.

– Доброе утро! Поздравляю вас с началом учебного года! – громогласно проговорил директор и замахал руками: – Садитесь, садитесь! Матибор, бедовая твоя голова, спрячь рогатку, пока не отобрал. Крежма! Где твой носовой платок? Используй его, а не рукав! Ивич, еще раз увижу, что рисуешь на парте, угощу березовой кашей…

Он орлиным взглядом оглядел класс. Дети понемногу успокоились. Директор набрал полные легкие воздуха.

– Позвольте представить вам новую учительницу словесности… она же будет наставницей в вашем классе. Госпожа Эрика Верден! – закончил он с бравурной интонацией циркового шпрехшталмейстера. Я бы не удивилась, если бы вслед за его речью прогремели фанфары и аплодисменты.

Но в классе воцарилась напряженная тишина. На меня уставились глаза – блестящие, любопытные, лукавые…

– Госпожа Верден окончила академию Одаренных. Она – сенситив. Знаете ли вы, кто такие сенситивы?

– Да, – дерзко сказал остроносый черноволосый мальчик. – Колдуны. Маги. Так говорит мой папа.

Директор горестно покачал головой:

– Госпожа Верден расскажет вам, кто такие сенситивы. А ты расскажешь это своему папе. Передай, кстати, что я зайду к нему вечером в аптеку – потолковать.

Значит, этот черноволосый проказник – сын аптекаря, который вчера назвал меня ведьмой.

Мальчишка надулся и замолчал.

– Сегодня госпожа Верден также проведет у вас дополнительный урок «Познание сверхприроды», там она познакомит вас с той наукой, которую вы по невежеству своему считаете магией.

– Я не буду ходить на эти занятия. Они необязательные. И папа мне велел не ходить, – заявила девочка с ярко-синими глазами и каштановыми косами, уложенными короной на голове. Она была очень хорошенькой, одета в дорогое бархатное платье с кружевным воротничком. Взгляд у нее был вздорный, интонации – капризные. По всему видно: избалованное дитя богатых родителей.

Директор покосился в ее сторону, поджал губы и ничего не сказал. Я поняла почему. Потому что догадалась, чьей дочерью была эта девочка…

Он кивнул мне: «Начинайте урок» – и вышел.

Я проводила его взглядом, чувствуя себя неопытной ассистенткой укротителя тигров, которую одну оставили в клетке.

«Тигры» внимательно изучали меня. Раздавались смешки и шепотки.

– Приступим, – сказала я строго.

– А вы и правда умеете колдовать? – захлебываясь от волнения, спросил меня зеленоглазый мальчишка, такой рыжий, что казалось, на первой парте сидит солнце.

– Да, – спокойно ответила я. – Умею.

Красотка в бархатном платье презрительно фыркнула.

– Покажите нам колдовство, – сурово потребовал щербатый крепыш в очках – левое стекло разбито, правая дужка примотана бечевкой.

– Покажите, покажите! – загалдели остальные.

– Ладно, покажу. Я могу угадать, как вас зовут, и могу назвать ваши привычки. Это умеют делать менталисты – Одаренные, которые обучены читать мысли людей.

– А вы менталист?

– Я умею всего понемногу.

Дети замолчали и уставились на меня выжидающе.

Я медленно прошла по рядам. Приложила руки к вискам, скорчила загадочную гримасу. Кто-то хихикнул, но остальные смотрели с почтением.

Может, еще сделать несколько пассов, как фокусник в цирке? Нет, не стоит переигрывать.

– Ты! – Я резко повернулась и направила палец на темноволосого бузотера. – Владислас Крежма.

– Вы слышали, как директор говорил о моем папе, аптекаре, – возразил Влад. – Вот и догадались.

Я таинственно улыбнулась.

– А ты, – я показала на рыжего, – Дитмар Матибор, сын начальника пожарной части. У тебя есть дурная привычка – грызть ногти. А еще ты любишь стрелять из рогатки и в прошлом году разбил окно в учительской.

Рыжий взвизгнул от удовольствия.

– Ну а ты, – я повернулась к капризной красотке, – Регина Роберваль. Дочь господина Роберваля, местного фабриканта. Через два месяца тебе исполняется девять лет. И ты терпеть не можешь вышивать.

– Вам это рассказал господин Степпель. Или мой папа. Вчера он с вами встречался, – парировала Регина, но ее глаза расширились.

– Ничего подобного. Можешь сама спросить у твоего папы. Или у директора. Или у остальных учителей. Вчера я приехала поздно вечером, и у меня не было времени разговаривать о вас. Я вижу ваш класс впервые в жизни. Это вы и сами знаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.